

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

КРЁСТНЫЙ

Детский фонд радуется вместе со всеми, кто по-доброму соприкоснулся с Николаем Ивановичем Рыжковым. А ему исполнилось 90! И он волею судеб оказался последним Председателем Совета Министров СССР, а, припомнив историю, – великой России. В ту пору, когда он возглавил Совмин, а Горбачёв – ЦК, смею утверждать, народ наш был несколько иным. Люди помнили Отечественную войну собственным знанием и чувством, а не всегда достоверным пересказом. И верили власти, хотя и ворчанья хватало. Но ворчали всё же избирательно, по поводам, и среди них была тема стареющих вождей.

Но вот пришли двое молодых и опытных. Забрехала надежда. Тут я должен заметить, что за два года до событий, к которым приступаю, мне удалось (и посчастливилось) благодаря моему товарищу по комсомолу Виктору Прибыткову, который был помощником К. У. Черненко, получить поручение Генерального секретаря на письмо, которое я написал о проблемах сиротства в СССР. Генсек поручил Г. А. Алиеву подготовить Постановление ЦК и Совмина на эту тему, Алиев был членом Политбюро и Первым замом Предсовмина. Постановление получилось беспрецедентным для тех лет и сыграло, да и ещё играет свою знаковую роль: а то ведь, стремясь к экономическим достижениям, забыть про ребятишек, оказавшихся без родни, – позиция не благодатная.

Но вот проходит небольшое время, на сцену выходят новые лидеры, и в апреле 1987 года меня неожиданно приглашают в Кремль.

Считаю тот день, пожалуй, наиглавным в моей общественной, да и личной судьбе. На пороге кабинета меня встретил Николай Иванович Рыжков, да не один, а со своей женой Людмилой Сергеевной. Уже одно это было совершенно удивительно. И вот мы рассаживаемся, и Николай Иванович рассказывает о своём первом визите в новом качестве в Свердловск, о том, что для супруги там подготовили отдельную программу, но она попросилась в детский дом, и впечатления о нём ударили в самое сердце. Вернувшись в Москву, Рыжковы захотели встретиться с кем-то из лиц, так сказать, неофициальных, знающих проблему не формально. А за мной была ещё и повесть “Благие намерения”, не говоря про ворох публикаций в центральных газетах – от “Правды”, “Известий”, “Труда” до “Литературки”. Выбрали меня, захотели меня послушать. Николай Иванович сразу сослался на Алиева, на то, что знает прошлое постановление, ну, и Гейдар Алиевич сказал ему про меня добрые слова.

Так что разговор сразу пошёл доброжелательно, можно сказать, на равных. От сиротства я перешёл к инвалидности, перед этим я побывал в Загорском детдоме для слепоглухонемых детей, увидел жуткую безысходность и страшную технологическую отсталость лечения, образования, простой контактности с детьми, которым выпала такая доля. Но педагоги при этом –

герои. Вообще люди, отдававшие тогда – да и теперь – свою жизнь детям, лишённому здоровья или семьи, – особая каста почти святых, я много таких знал и тогда, да и теперь. Рассказывал им про Антонину Павловну Хлебушкину из Ташкента, которая ещё из-под Сталинграда вывезла целый эшелон одиноких детей в эвакуацию, про казанского возчика Галимзянова, который выращивал поросят и бычков, продавал их, а всю выручку передавал Дому ребёнка на его оснащение, в том числе медоборудованием; про Александра Александровича Католикова из Сыктывкара, учителя, спасшего ценой своей инвалидности автобус с детьми из Дома пионеров на железнодорожном переезде, а потом возглавившего детский дом-интернат с сельскохозяйственной ориентацией.

Говорили о детской преступности, об онкологии, о детском туберкулёзе, о правах ребёнка и о сотнях иных вещей, про которые наверху если и рассуждают, то неглубоко, не “въезжая” в глубины проблем, на уровне “поручений”.

Мои хозяева никуда не спешили, за всю встречу последовало только один звонок, да и тот краткий, а сам разговор длился три часа сорок минут! Много лет спустя, кажется, на 30-летию Детского фонда, я спросил Николая Ивановича, бывали ли у него с кем-нибудь столь долгие встречи, например, с министрами. Он ответил: “Никогда!” “А почему же со мной Вы говорили так долго?” – спросил я. “Потому что мы говорили о детях в беде”, – ответил он.

Мне кажется, в этом ответе, в таком ответе – весь Рыжков, вся его сущность. Он не относится к плеяде говорунов, но совершенно уверенно – к племени делателей. Подросток военной поры, работавший у станка, инженер легендарного тогда “Уралмаша”, ставший его Генеральным директором, дважды Лауреат Государственной премии СССР за инженерные достижения, а потом – зампред Госплана, секретарь ЦК партии – это ли не судьба, подтверждённая и делом, и совестью!

Во время нашей встречи, произошедшей 32 с половиной года назад, я заговорил о воссоздании Детского фонда имени В. И. Ленина, образованного на траурном съезде Советов, посвящённом смерти Владимира Ильича, в январе 1924 года. Он предназначался для борьбы с беспризорничеством и был закрыт в 1938 году. Готовность граждан помочь другим, тем, кому хуже, чем тебе, особенно детям, на мой взгляд, была реальной оценкой состояния общества тех дней, когда мы встречались. Ведь недавно полыхнул Чернобыль, и народ без всяких просьб послал на счёт, открытый в Сбербанке, 500 миллионов. Рыжков согласился, что фонд стоит возродить. На другое утро меня соединили с Николаем Ивановичем. Он сказал, что вчера вечером рассказал о нашей встрече Горбачёву, и тот согласился, что надо подготовить новое постановление по сиротству, и поддержал идею создания фонда. В том же разговоре Николай Иванович пригласил меня участвовать в подготовке решения. Ясно, что я с головой окунулся в непростую работу особого свойства, где каждое положение текста требовало согласований с министерствами, ведомствами, финансистами. Вечно буду помнить чудесного человека, истинного патриота, профессионала высшего класса Виктора Ивановича Власова, который представлял тогда Бюро Совмина по социальным проблемам, а чуть раньше был помощником Председателя Совета Министров СССР.

С апреля до конца июля шла эта работа. В июле Рыжков пригласил меня выступить с докладом от рабочей группы на Президиуме Совета Министров СССР, то есть представить правительству проект нового постановления о положении детей-сирот и мерах по его улучшению. Всё это тогда я принимал совершенно естественно, будто так и надо. И только сейчас сознаю – нет, сам факт выступления с докладом о проекте большого постановления на высочайшем и решающем правительственном уровне – пусть писателя, пусть главного редактора всесоюзного молодёжного журнала, пусть даже в какой-то степени эксперта – дело совершенно не принятое и при всех разговорах о демократии именно что демократичное. Речь прозвучала жёстко, но по существу. Когда я закончил, Николай Иванович спросил министров: “Обсуждать будем?” Настала короткая пауза. Потом один из министров сказал: “А что обсуждать? Стыдно! Работать надо для этих ребят, Николай Иванович” Тот ответил: “Правильно. Вносим на Политбюро. Докладывает Ситарян”.

Степан Арамаисович Ситарян был первым зампредом Рыжкова по экономике, и он как должностное лицо от имени Совета Министров докладывал на Политбюро проект Постановления. Ему полагалось назвать просто цифры,

просто ресурсы и просто предложения. Речь его заняла от силы 5 минут. Потом Горбачёв пригласил к выступлению меня, довольно необычным образом: “Альберт Анатольевич, Вы нас столько лет всячески тормозили на эту большую тему, что нам было бы просто неразумно не выслушать Вас”. Моя речь, нарушив правила, заняла минут двадцать, и на ПБ разгорелся спор между Горбачёвым и Яковлевым: дать новому фонду свою газету или не дать (Горбачёв нас поддержал, а Яковлев хотел журнал, в результате мы получили еженедельник “Семья”, позже достигший 4-миллионного тиража). Но в тот момент главными были взгляды членов Политбюро, и, конечно, выступившего первым Рыжкова. Говорил он тогда спокойно и твёрдо. Оценил финансовые затраты государства на улучшение жизни детей-сирот как моральные долги страны. А создание фонда – как духовное участие общества в решении крупных социальных задач, опять же посвящённых детству. Поддержал нас и А. А. Громыко. Что же касается меня, то Горбачёв попросил меня возглавить оргкомитет по проведению учредительной конференции Советского детского фонда имени В. И. Ленина. После заседания я заглянул к Николаю Ивановичу. Он выглядел растроганным, очень сердечно поздравил меня с решением, но я понимал, что это его победа. Так что 31 июля 1987 года и есть настоящий день рождения фонда, а его крёстным отцом я считаю Николая Ивановича Рыжкова.

Все 32 года существования Детского фонда – сначала Советского, потом Российского и Международной ассоциации детских фондов (в ней объединились бывшие наши отделения в союзных республиках, ныне суверенных государствах) – я задаю себе один и тот же вопрос: не слишком ли рано или не слишком ли поздно возник он? И никак не могу найти однозначного ответа.

Во времена Рыжкова он был очень нужен стране. Во-первых, народ большой страны – не богатый и не бедный, – откликнулся на его появление от самого чистого сердца. В качестве примера стоит привести результат единственного (!) круглосуточного телевизионного марафона Детского фонда, когда за 24 часа передач о положении детей мы собрали 102 миллиона советских рублей. Свои пожертвования и в обычные дни нам посылали сотни тысяч людей – и детей, и стариков, и гигантские заводы вроде “Уралмаша”, и колхозы, и студенческие отряды, и академики, не говоря о членах Правительства, например, его Председателе Н. И. Рыжкове. Внесло свои личные пожертвования и всё Политбюро во главе с семьёй Горбачёвых, а А. А. Громыко переслал гонорар за свои двухтомные мемуары, изданные в Англии.

Когда мы встретились в первый раз, я сказал Рыжкову, что у большинства детдомов нет своего транспорта, помогают шефы, если они существуют. В течение первых трёх лет мы купили 1500 автобусов и грузовиков на средства фонда, и машины появились у всех без исключения. Даже на Камчатку перевезли их пароходами. Но тогда это можно было сделать лишь по распоряжению правительства, и такое распоряжение вышло. Для всех детских домов мы открыли свои благотворительные счета, которыми распорядились не директора учреждений, а попечительские советы из самых достойных людей. И перевели туда немалые тогда деньги, до 1 миллиона каждому. Особенное внимание проявил Николай Иванович к нашей идее детских домов семейного типа. Мы не раз говорили с ним на эту тему, в подробностях обсуждая детали специального постановления Правительства. Идея состояла в том, что семья принимала к себе не меньше пятерых сирот. Мама в такой семье становилась государственной служащей – старшим воспитателем детского дома, тогда с зарплатой в 100 рублей. А на детей передавались средства, которые расходовались бы на них в госучреждении. Итог этой практики в России: 568 семейных детдомов подняли 5021 ребёнка (не считая кровных), выпустили их в жизнь. Около 20% имеют высшее образование, 70% – среднее специальное, остальные – общее среднее. В 1996 году, увы, эта позитивная практика в России была отвергнута, но в бывшем СССР – продолжилась. В Беларуси она сыграла решающую роль – Детский фонд этой страны купил 50 коттеджей, государство платит зарплату родителям-воспитателям и оплачивает содержание детей. Украина (до Майдана) создала больше 700 таких семей и была готова покончить с сиротством; не знаю, чем там дело кончилось...

Рыжков был очень озабочен проблемой детской смертности в СССР, она стояла по этому показателю в самом низу ООНовской таблицы. По нашему с министром здравоохранения Е. И. Чазовым предложению было выпущено

постановление Правительства о борьбе с этим недугом. Три года подряд Детский фонд на свои средства посылал в регион Средней Азии и Казахстан по 3000 врачей на 90 самых жарких дней – дети летом там умирали от антисанитарии. Конечно, это были самые настоящие спасательные работы, есть и результат за три года: 55 тысяч спасённых детей, общее снижение детской смертности на 16%, а снижение смертности детей 2-го года жизни – 55%. Статистику эту вёл Минздрав Союза, и наша работа выглядела как прямая помощь государству. Но ведь и детям! Разве это могло не радовать?

В 1988 году обострились межнациональные конфликты Армении и Азербайджана. Потоки беженцев текли из одной страны в другую, и среди них, понятное дело, – множество детей. Как-то к вечеру Николай Иванович позвал меня к себе. Сидели мы в каком-то небольшом зале вдвоём, похоже, после тягостного совещания. Рыжков выглядел не то чтобы усталым – изнурённым, будто из него выжали все соки. Поэтому и речь его была бытовой, простой, даже чуть растерянной: “Среди беженцев с той и с другой стороны чуть не половина детей, не хватает обуви, одежды, нижнего белья...” Он назвал примерные цифры. Я пробормотал: “По самолёту”. Он спросил: “По какому самолёту?” – “Примерный объём каждой части беженцев-детей – один самолёт ИЛ-76.” – “Значит, общий – два самолёта?” – и потянулся к вертушке. Я попросил дать команду “Детскому миру”, сказал, что мы груз оплатим.

Кто бы подумать мог, что через несколько дней случится что-то страшнее потока беженцев... 7 декабря 1988 года не то, что вся страна, – весь мир просыпался под ужасающее сообщение об Армянском землетрясении.

Горбачёв был в ООН, и Рыжков тут же улетел в Ереван. Нация с содроганием дежурила у экранов, держала включёнными приёмники. Картинки трагедии и сообщения вызывали оторопь.

Мы не могли остаться в стороне. И вдруг Минобороны подтверждает, что нам выделены два самолёта для перевозки детской одежды в регион конфликта. “Детский мир” приготовил груз. Меня подмывает идея: всё отправить для Еревана. Но я не решаюсь предложить это даже коллегам. Провожу совещания, получаю оперативную информацию, но молчу. Вижу по телевидению, что Николай Иванович окружён толпой растерянных, напуганных людей. Странно, но на самом пике собственной растерянности вдруг приходит холодное решение: ничего менять не следует. Во-первых, об этом беспокоился Рыжков, достигнута договорённость. Во-вторых, в Армению надо лететь мне во главе специальной бригады фонда, и для неё потребуется ещё много чего дополнительного.

Армия даёт нам в Москве колонны грузовиков с солдатами, которые загружаются одеждой. Одна из картин, не выходящих из памяти: Шереметьево, я подъехал к самолётам, предоставленным в наше распоряжение, оба – ИЛ-76. Знакомимся с командованием. Мой заместитель Геннадий Савинов идёт к самолёту, который полетит в Баку, я с командой фонда – к тому, что полетит в Ереван. Был вечер, на рассвете мы прибыли в Армению. Прямо с самолёта, заскочив в гостиницу, попадаю на утреннее оперативное совещание к Рыжкову. Там же, разумеется, глава республики Сурен Гургенович Арутюнян и министр обороны Дмитрий Тимофеевич Язов. Обстановка фронтовая. Со дня трагедии – третий день. Спецы докладывают: в Ленинакане из-под рухнувших многоэтажек слышатся крики. Автокраны переворачиваются и неспособны поднимать бетонные плиты больших размеров. Не хватает гробов! Родственники из Еревана и других районов едут на машинах в Спитак и Ленинакан, возникли пробки, они мешают спасательному транспорту! Высококласные спасатели из стран Европы не могут пробиться к месту катастрофы! Народ в Ленинакане – на железнодорожной станции и в аэропорту – не может ни выехать, ни вылететь! Нужна техника рыть могилы! Много раздетых детей! Вовсю летает хирургическое отделение Ереванской клиники, там – Леонид Рошаль.

Сию в первом ряду, смотрю на Рыжкова, поражаюсь чёткости действий. Когда в чём-то не уверен, советуется с другими независимо от ранга. Зал, набитый людьми, постепенно пустеет – их отпускают для исполнения решений. Дмитрий Тимофеевич Язов сообщает, что летит в воинскую часть под Ленинаканом, я прошу взять меня с собой. Рыжкову поясню свою цель: одежду мы привезли, теперь надо одеть детей, имею ли право найти для этого удобную площадку, действуя от имени Штаба. Согласие получаю. Бумажек здесь не дают. Летим.

От вертолётной площадки меня переправляют в горком партии. Гляжу в окошко “ГАЗика” и не могу понять — что-то вылетает из-под земли. Потом соображаю: люди роют могилы. Ещё сцена: огромный самосвал с трудом проходит по узкой улице, а на краю кузова, сам едва удерживаясь, сидит молодой парень, и запрокинув голову, воет: на коленях у него маленький ребёнок. Чуть позже я подъеду на попутной машине к Дому ребёнка. Во дворе тявкает забытая собачонка, будто о ком-то тревожится. Я зашёл в коридорчик одноэтажного зданища, стал заглядывать в комнатухи. В одной, прямо на полу, хоть и на подстилках, лежали два мёртвых младенца, с подключёнными к ручонкам катетерами. Что я мог сделать? Склониться перед ними на колени — незнакомыми, безмянными для меня человечками — и попросить прощения у них за весь белый свет. Чуть позже их закопали прямо во дворе. Я пошёл к перекрёстку, где у костра сидели молоденькие девочки. Они оказались практиканками из Кишинёвского ПТУ. Текстильный комбинат, где они работали, разрушен, как и общежитие, и они не знают, как отсюда уехать, и есть им нечего. Девочек увезли в Ереван, я определил площадкой для раздачи одежды неразрушенный холл городской гостиницы, договорился с горкомом, на попутной машине уехал в Ереван, по дороге заскочив в аэропорт. На земле сидели толпы женщин с детьми и старые люди. Все твердили одно и то же: пусть нас перевезут в Ереван. Вечером, чуть ли не в полночь, мы встретились с Рыжковым. Я попросил разрешения на вывоз людей с детьми самым срочным образом в центр. К тому времени штаб принял решение открыть для семей пострадавших все возможные санатории Причерноморья, а бригада Детского фонда встретила несколько чартерных рейсов, которые стали тогда постоянными. Наутро мы отыскивали в Ереване тот самый Дом ребёнка из Ленинакана. Я приехал туда сам, чтобы откровенно поговорить с главврачом, и мне стало его жалко. Младенцев “устроили” в непригодном здании, только полы вымыли. И десятки беленьких человеческих “полешков” лежали прямо на полу. Я тут же помчался к Рыжкову, не дожидаясь утреннего заседания штаба “запросил” кровати, а когда снова поехал к этим малышам, эвакуированный Дом ребёнка не узнал — он преобразился начисто всего за несколько часов.

Потом новая поездка в Ленинакан, теперь уже во главе колонны военных грузовиков с солдатскими командами, где был наш груз, создание и открытие Центра помощи, где мы с моим заместителем Евгением Кармановым, царствие ему небесное, одевали и обували сотни и сотни напуганных, взъерошенных, но уже не голодных мальчишек и девчонок до 14 лет. Ночевали на городской площади в автобусе. Напомню, на дворе декабрь, и хотя это юг, Армения, водитель всю ночь включал и выключал двигатель. Мне казалось тогда, что я просыпался и засыпал с именем Рыжкова. Его каждодневные поездки в зоны бедствия облетали Армению с волшебной скоростью. Из Штатов прилетел на день Горбачёв. Мне кажется, он тотчас понял, что его диалог строится не с народом, а с Рыжковым, который всё знал, всем владел, обо всём беспокоился и принимал совершенно точные решения. Люди, пострадавшие в беде, безукоризненно точно определяют представителя своих интересов. К сказанному добавлю: Детский фонд создал в Ереванской консерватории свой штаб (Председателем Армянского отделения фонда был композитор Э. Оганесян). Этот штаб работал круглые сутки. Мы договорились, что милиция, обнаруживая маленьких детей, потерявших родителей, будет доставлять нам их фотографии, если есть такая возможность, или вызывать нашего фотографа для съёмки. Фотоснимок с той информацией, которую мог дать сам ребёнок, мы вывешивали на стендах в холле консерватории. Кроме того, мы стали выпускать на двух языках — армянском и русском — ежедневную газету “Надежда”, где печатались эти фотографии, а газету наши помощники раздавали на самых людных перекрёстках Еревана. Так было возвращено родственникам 456 малышей — спасибо армянской милиции. Однажды в одном из интернатов мы обнаружили целую школу эвакуированных детей. Разговорились, и семиклассники вдруг говорят: а ведь нас 7 декабря должны были принимать в комсомол. Мы собрали список таких ребятшек, и я пришёл к Рыжкову, разумеется, предварительно договорившись с ЦК комсомола Республики. “Николай Иванович, а вручите комсомольские билеты этим ребятам, ведь Вы член Политбюро. И, конечно, Сурен Гургенович Арутюнян, недавний секретарь ЦК ВЛКСМ”. Решения принимались мгновенно, вечером того же дня вручение, да ещё и с телевидением. А наутро — нежданная радость.

У брата и сестры, получавших билеты, нашлись мать и отец, – ведь детей эвакуировали экстренно. Потом мы ещё долгие годы опекали эту семью, и она приезжала в Москву уже в полном составе.

Вообще “армянская тема” ещё долгие годы и месяцы была программной в нашем фонде. В преддверии Нового года мы привезли самолёт ИЛ-96, полный ребятишек, жертв землетрясения, 400 человек. И куда? На Кремлёвскую ёлку. Помню, как веду за руки двух самых маленьких – мальчика и девочку – прямо к Деду Морозу. А потом перед этими детьми выступает М. С. Горбачёв. Сборная СССР по шахматам во главе с Анатолием Карповым играет в Мадриде благотворительный матч со сборной мира с Гарри Каспаровым, а вырученные деньги передаёт нам для армянских ребят. Сборная СССР по футболу играет такой же матч в Германии и тоже переводит деньги. Мы шлём на сложные операции армянских детей в США и лет десять кряду выплачиваем семьям пострадавших детей Спитака ежегодные пособия, не уступающие государственным. Николай Иванович всегда в курсе дела и всегда постоянен в одобрении. Позже я не раз побываю с ним в Армении на годовщинах страшной трагедии. Имя Советского детского фонда высечено в граните на памятнике в Гюмри, бывшем Ленинакане, помнит сердечность большой страны и Католикос всех армян, высший национальный и религиозный авторитет этой великой нации. А Н. И. Рыжкова Армянское государство увенчало своей высшей наградой – званием Национального героя.

Ещё тогда, в последние годы большой нашей страны, я не раз думал, а почему же звание Героя Рыжкову не дали в социалистическом государстве? Было бы логично: ведь Армения была частью СССР, а её народ, полагаю, единогласно поддержал бы такую справедливость: он видел, кто персонально олицетворял тогдашнюю всесоюзную помощь. Впрочем, и понимаю, почему тогда этого не произошло: нарастало новое землетрясение, которое разрушит Союз. И такие решения были бы не во благо.

Но настает время собирать камни, кажется мне, наивному. А потому Указ о присвоении звания Героя труда России Николаю Ивановичу Рыжкову, я, видевший его в “минуты жизни роковые”, отвечавшего за страну перед страной, полагаю состоявшейся справедливостью. Время делает своё дело. Забывается недоделанное и просто не сделанное, отходят в сторону детали, туман тает, высвечивая главные смыслы.

Николаю Ивановичу Рыжкову – 90 лет. И мне кажется, это очень мало!

К юбилею Николая Ивановича РЫЖКОВА Издательский дом “Экономическая газета” выпустил его Собрание сочинений в десяти томах под общим заголовком “На полях исторической памяти: время, события, люди”. – Ред.